

УДК 903'1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРИКАМЬЯ

Е.Л. Лычагина, Т.А. Цыгвинцева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, г.Пермь, ул. Сибирская, 24;
Удмуртский государственный университет, Удмуртия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
LychaginaE@mail.ru
TZigven@gmail.com

Подводятся итоги исследования раннеолитических памятников Прикамья, которые представлены двумя культурами – камской, связанной с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, и волго-камской, связанной с керамикой, орнаментированной с помощью накола. Делается вывод об их разном происхождении и отсутствии между ними родственных связей. Сходство в расположении памятников, формах жилища, номенклатуре орудий труда можно объяснить их одновременностью существования, возможностью взаимодействия и взаимовлияния древних технологий, а также схожестью хозяйственных занятий населения.

Ключевые слова: ранний неолит, камская неолитическая культура, волго-камская неолитическая культура, керамические комплексы, каменные индустрии.

Под Прикамьем в данной статье мы понимаем обширный регион, охватывающий территорию Среднего Предуралья – бассейн р. Кама и ее притоков (р. Чусовая, р. Вятка, р. Белая и др.) (рис. 1.). В неолите Прикамья можно выделить две культурные традиции, представленные камской и волго-камской культурами. Первая связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, вторая – с керамикой, орнаментированной наколами. Вопрос о том, какая из групп появилась раньше, до сих пор дискусионен. Это связано как с малой изученностью раннеолитических памятников, так и с отсутствием достаточного количества радиоуглеродных датировок. Другой актуальной проблемой исследования раннего неолита региона является возможность взаимодействия и взаимовлияния носителей разных культурных традиций.

Расположение памятников

Ранняя керамика камской культуры изучена на стоянках: Мокино, Усть-Букорок, Зиарат, Усть-Шижма I, Тархан I, Щербеть II (рис. 1). Памятники располагались на возвышениях в поймах небольших рек, впадающих в Каму и Вятку (Мокино, Усть-Букорок, Тархан I), на надпойменной террасе Камы и ее притоков (Усть-Шижма I, Щербеть II, Зиарат).

Ранняя керамика с накольчатым орнаментом была обнаружена на стоянках Чашкинское Озеро VIII, Чашкинское Озеро VI (ранний комплекс), Лёвшино, Чернушка, Заборное Озеро I, Кошкинская, Кыйлуд II, Кыйлуд IV, Тархан I, Коктыш II, Худяки, Усть-Шижма I, IV Тетюшская, Щербеть II (рис. 1). Памятники были расположены на возвышенностях в поймах небольших рек, впадающих в Вятку (Коктыш II, Тархан I, Кошкинская), на надпойменной террасе Камы и ее притоков (Чашкинское Озеро VI, Чашкинское Озеро VIII, Заборное Озеро I, Кыйлуд II, Кыйлуд IV, Усть-Шижма I, Чернушка, Щербетьская II, Тетюшская IV, Лёвшино).

Мы не отметили серьезных различий в расположении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой. Это подтверждается наличием памятников, где фиксируется одновременное залегание ранней накольчатой и ранней гребенчатой керамики (Усть-Шижма I, Тархан I, Щербеть II).

Жилища

Остатки жилищ камской культуры изучены на стоянках Усть-Букорок и Тархан I. Они представляют собой сооружения площадью 25,5–66 кв.м, подпрямоугольной формы, углубленные в материк на 30–40 см, с одним очагом, расположенным в непосредственной близости от выхода, и хозяйственными ямами (рис. 2, 1–2).

Жилища волго-камской культуры были изучены на стоянках Кыйлуд II и Коктыш II. Это подквадратные и подпрямоугольные постройки, площадью 22,5–56,5 кв.м., углубленные в материк на 15–40 см, с одним очагом или без очага (рис. 2, 3–4). По форме, структуре и заполнению они практически не отличались от сооружений, характерных для раннего этапа камской культуры.

Керамика

Керамические комплексы на всех памятниках камской культуры незначительны (3–250 фрагментов). И.Н. Васильева провела технологический анализ керамики стоянки Зиарат [Васильева, Выборнов, 2012, с.37-39]. Анализ показал, что в качестве сырья для изготовления посуды использовалась жирная ожеженная глина. Формовочная масса состояла из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использованной крупной фракции шамота (менее 3-5 мм) составляла 70%. Технологического анализа керамики других раннеолитических памятников покажет, насколько итоги анализа материалов стоянки Зиарат можно распространять на весь регион. Пока же мы можем констатировать, что визуально вся раннеолитическая гребенчатая керамика изготовлена из глины со значительной примесью шамота.

Поверхность всех сосудов заглажена мягким предметом, средняя толщина стенок – 0,9-1 см. Торец венчиков либо округлый, либо скошенный. Незначительный наплыв зафиксирован только на венчике со стоянки Мокино [Мельничук и др., 2001, с. 160, рис. 14, 3]. К сожалению, небольшие размеры коллекций не позволили полностью реконструировать ни один сосуд. Однако мы можем предположить, что это были сосуды полуяйцевидной формы с прямым или чуть прикрытым горлом.

Орнамент представлен отпечатками мелко - и среднезубчатого длинного штампа с незначительными следами овального короткого штампа в основном для разделения орнаментальных зон [Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1, 1–18; Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13, 1–7; Третьяков, 1972, с. 51, рис. 13, 7, 9–12]. Среди узоров преобладают ряды наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, ряды длинных отпечатков, разделенные короткими оттисками (рис. 3). На стоянке Тархан I в одном случае зафиксировано использование тонкой «шагающей гребенки» [Гусенцова, 1993, с. 140, рис. 60, 4], на стоянке Мокино есть фрагмент, орнаментированный только рядами неглубоких ямок [Мельничук и др., 2001, с. 160, рис. 14, 6].

К особенностям рассматриваемого комплекса мы можем отнести широкое распространение длинного штампа, редкое использование наплыва при конструировании венчиков и «шагающей гребенки» в орнаментации посуды.

Керамические комплексы на памятниках волго-камской культуры включают от 7 до 1200 фрагментов. И.Н. Васильевой был проведен технологический анализ керамики стоянок Чашкинское Озеро VIII, Чашкинское Озеро VI и Заборное Озеро I [Васильева, Выборнов, 2012, с. 40-43]. Анализ показал, что для изготовления посуды использовались глины (62,5%) и илестые глины – 37,5%. У илестых глин «тощее» сырье составляло 67%, «жирное» – 33. Фиксируется также преобладание отбора тощего сырья в рамках традиции использования глин (60%). Приемы дробления илестых глин в сухом виде не отмечены, хотя 33% глин подвергались дроблению.

Традиции составления формовочных масс в среде производителей слабо и неорнаментированной керамики отличался от традиций, используемых в гребенчатом комплексе: доля рецептов, предполагающих большую концентрацию шамота, достигала всего 42% (ср.: Зиарат – 100%), в то время как доля рецептов, предусматривающих концентрацию шамота 1:4 и 1:5 была существенно выше – соответственно 33% и 25%, в целом 55%. При этом преобладали (83%) приемы использования крупной фракции шамота (размером менее 3-5 мм).

В керамике на стоянках Лёвшино, Кошкинская и Щербеть II, технологический анализ которых не проводился, в формовочной массе в небольшом количестве встречается органическая примесь.

Поверхность всех сосудов заглажена мягким предметом, иногда подлощена, средняя толщина стенок – 0,6-0,8 см. Для большинства сосудов характерны прямые шейки, уплощенные или округлые торцы венчиков. Срезы венчиков некоторых сосудов были украшены насечками или налестами, под ними часто наносились сквозные проколы. Днища плоские. Орнамент разреженный, часто располагался только по венчику или в верхней трети сосуда. В орнаментации преобладали овальные, пунктирные и треугольные ряды «отступающей палочки» (рис. 4). Сложные узоры и заполнение всего орнаментального поля практически не встречались [Габяшев, 1976, с. 43, рис. 4; Габяшев, 2003, с. 165, рис. 21–22; Гусенцова, 1993, с. 110, рис. 30; с. 122, рис. 42; Гусенцова, 2000, с. 309; рис.3; Лычагина, 2009, с. 155, рис. 1; Мокрушин, Лычагина, 2003, с. 35, рис. 3, 1-6; Халиков, 1969, с. 55, рис. 13, 1-3, 6-9, 11,12, 16].

Сравнение ранней накольчатой керамики с гребенчатой позволяет обнаружить большее раз-

нообразии в отборе исходного пластического сырья и составе формовочных масс. Это может объясняться как разными источниками формирования традиции, так и лучшей изученностью данного комплекса. Возможно, при дальнейшем исследовании ранней гребенчатой керамики она также окажется более разнообразной. В то же время, необходимо отметить, что около трети изделий, относящихся к накольчатой керамике, имеют тот же состав исходного пластического сырья и формовочных масс, что и гребенчатая керамика. Скорее всего, это связано с влиянием носителей одной традиции изготовления посуды (гребенчатой) на носителей другой (накольчатой). Следует также обратить внимание на то, что на стадии развитого неолита в камской культуре фиксируются рецепты, применяемые при изготовлении накольчатой керамики и предусматривающие использование илистых глин во влажном состоянии с незначительной примесью шамота [Васильева, Выборнов, 2012, с. 37]. Появление данных рецептов, возможно, связано уже с влиянием носителей накольчатой традиции на носителей гребенчатой традиции. Таким образом, фиксируется процесс взаимовлияния разных культурных традиций изготовления керамики на стадии отбора исходного пластического сырья и подготовки формовочной массы.

По остальным показателям: толщине стенок (более 0,8 см для гребенчатой керамики, менее 0,8 см для накольчатой), форме сосудов (полуяйцевидные в гребенчатой керамике, плоскодонные баночной формы в накольчатой керамике), способу орнаментации (гребенчатый штамп в гребенчатой керамике, наколы в накольчатой керамике) – керамика отмеченных групп имеет значительные различия.

Появление в регионе керамики волго-камской культуры мы связываем с инфильтрацией населения из лесостепных районов Среднего Поволжья, где похожая посуда известна на раннем этапе существования средневожской культуры [Выборнов, 2008а, с. 128–139]. Вопрос о происхождении керамики камской культуры пока до конца не изучен. По всей видимости, в возникновении данной культуры большую роль сыграло местное позднемезолитическое население.

Каменный инвентарь

На всех памятниках камской культуры каменный инвентарь значительно превышает керамический комплекс (Усть-Букорок – 192 предмета, Мокино – 149, Зиарат – 163., Тархан I – 1775). Однако в основном он представлен сборами материала и небольшими раскопками на частично разрушенных памятниках (Мокино, Зиарат). Имеющиеся коллекции могут не в полной мере отражать технологию производства каменных орудий труда. Поэтому для технологического анализа были отобраны материалы из закрытого жилищного комплекса поселения Тархан I (раскопки Т.М. Гусенцовой) [Гусенцова, 1993, с. 92–94]. На остальной площадке вместе с гребенчатым комплексом было найдено 14 фрагментов накольчатой керамики [Гусенцова, 1993, с. 93].

Сырьем для изготовления орудий служил серый пестрый, светло-серый кремь. Также использовался молочный галечниковый и желто-коричневый плитчатый кремь. Нуклеусы (6 экз.) конусообразные, остаточные, длиной 2,4–3 см (рис.5, 15,17). Негативы от пластинок занимали две трети периметра нуклеуса. Карнизы на нуклеусе или убирала редуцированием, или выравнивали абразивом, в одном случае абразивом заглажено основание нуклеуса. 5 экз. выполнены с использованием техники контрудара. На одном продольном сколе (молочный кремь) негативы хотя и вытянутых очертаний, но скорее от отщепов, чем от пластин. Пластины, как и отщепы, скалывали ударом через посредник и усиленным отжимом.

Отщепы составляют 73,7% из 152 экз. кремня из жилища, пластины – 15,1%, нуклеусы и их сколы – 11,2%. Узкие пластины шириной 0,6–0,8 см и толщиной 0,15–0,3 см являлись отходами производства. Для изготовления орудий использовались главным образом средние пластины – шириной 1,1–1,8 см, толщиной 0,2–0,3; 0,5 см и длиной от 2 – 4 см (рис.5, 10,11). Отщепы для этих целей также предпочитали брать средних пропорций (до 3 см). Крупный скол в качестве заготовки отмечен только в одном случае – это нож, выполненный в бифасиальной технике [Гусенцова, 1993, с. 140, рис. 60: 30].

Всего из общего количества кремневых изделий в жилище выделено 24 инструмента, из них на пластинах – 13, а на отщепах – 11. В качестве инструментов использовались пластины и сечения с ретушью по краям, скребки, резцы, рубящие орудия. Резцы имеют угловую форму, выполнены на сечениях пластин, рабочее лезвие оформлено микрорезцовым сколом (2 экз.), вентральной или дор-

сальной ретушью (5) (рис.5, 1–5), либо сразу двумя способами (рис.5, 6). Скребки изготовлены на 9 средних и 1 мелком отщепах, 1 пластине. Они концевые, квадратной, трапециевидной и округлой формы (рис.5, 7–8, 12–14, 16). Пять скребков сделаны из молочного кремня (рис.5, 7–8, 13, 14), 1 – из коричневой плитки (рис.5, 12). Шлифованное орудие из сланца представлено обломком рабочего лезвия округлой формы (2,5 x 1,4 см) [Гусенцова, 1993, с. 140, рис. 60, 18].

Таким образом, при изготовлении каменного инвентаря, найденного в жилище поселения Тархан I, использовался в качестве сырья галечниковый и плитчатый кремень, индустрия носила пластинчато-отщеповый характер с преобладанием орудий на средних пластинах и отщепах. Подобные же черты кремневых индустрий приводятся исследователями других раннеолитических памятников камской культуры - Зиарат [Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1, 19–29; Выборнов, 1992, с. 98, рис. 13, 9–18], Мокино, Усть-Букорок [Мельничук и др., 2001, с. 154–155, рис. 11–12, с. 159. Рис. 13]. Основные категории орудий, найденных на этих поселениях, также совпадают: пластины и сечения с ретушью, концевые скребки, резцы на углу сломанной пластины, острия на пластинах. На всех указанных памятниках встречаются орудия с бифасиальной обработкой, изготовленные из плитчатого кремня: ножи, наконечники стрел – и шлифованные орудия: топоры, тесла, а также их обломки.

Описанная индустрия имеет черты как мезолитической (широкое использование пластин с краевой ретушью), так и неолитической (орудия с бифасиальной обработкой на плитке, шлифованные изделия) эпохи. Все это может свидетельствовать в пользу предположения о том, что сложение камской неолитической культуры происходило на основе местного, позднего мезолита. Представление же о том, что для камской неолитической культуры характерна исключительно отщеповая индустрия [Бадер, 1978, с. 72–74], по всей видимости, нужно пересматривать [Лычагина, Поплевко, 2011, с. 9].

На большинстве памятников волго-камской культуры каменный инвентарь также значительно превышает по объему керамический комплекс (Чашкинское Озеро VIII – 455 предмета, Лёвшино – 767, Чернушка – 908, Кыйлуд II – 377, Коктыш II – 48, Кошкинская – 4500, Щербеть II – 2223).

Нами был проведен технологический анализ коллекций каменного инвентаря двух однослойных поселений: Коктыш II (раскопки Н.П. Карповой (Девятовой) [Карпова, 1983, с. 3–12] и Кыйлуд II (раскопки Т.М. Гусенцовой) [Гусенцова, 1993, с. 82–83, 107].

На поселении Кыйлуд II изучено 377 предметов из кремня. Сырьём для них послужили серый, тёмно-серый, чёрный кремень, небольшое количество жёлто-коричневого плитчатого кремня, окаменелое дерево (2 отщепа со следами сколов), галька низкого качества (в основном отщепы со следами сколов), в единичных случаях – кварцит. На поселении найдены 3 пренуклеуса, заброшенных из-за каверн, на поверхности которых фиксируются негативы вытянутых очертаний, зона расщепления на всех была редуцирована абразивом. Единственный торцовый нуклеус (6,2 x 2,9 см) сделан из такого же серого пёстрого кремня, что и пренуклеусы. Поперечными сколами уплощены площадка, тыльная часть и основание этого нуклеуса. Отмечены негативы от скалывания ножевидных пластин. В зоне расщепления фиксируется редуцирование абразивом (рис.6, 8). Похожая техника расщепления отмечена и на одном сколе с нуклеуса (4,7 x 4,8 см), отколовшемся при попадании в огонь [Гусенцова, 1993, с. 112, рис. 32, 14]. При изготовлении обоих предметов техника контрудара не применялась.

Отходы производства составляют 81,7% от общего инвентаря, орудия – 16,2%, нуклеусы и сколы – 1,3%, отбойники – 0,8%. Среди неиспользованных сколов на отщепы приходится 71,4%, на пластины – 10,3%, среди орудий сохраняется та же тенденция: орудий на отщепах – 8%, а на пластинах – 6,1%.

Заготовки для инструментов скалывали двумя отбойниками из речных удлиненных галек с забитостью и пришлифовкой на торцах [Гусенцова, 1993, с. 112, рис. 32: 10]. Пластины и отщепы получали в основном в результате удара через посредник, кроме того, отмечено довольно много отщепов, появившихся в результате скалывания каменным отбойником. В коллекции поселения Кыйлуд II присутствует плитчатый кремень со следами предварительного нагрева перед вторичной

обработкой, о чем свидетельствует изменение цвета на красноватый оттенок и маслянистый блеск отдельных фасеток [Гиря, 1997, с. 54–55]. Для изготовления инструментов использовали главным образом пластины шириной 0,8-1,2; 1,5-1,7; 1,9-2,2 см (рис. 6, 2–3) и отщепы преимущественно средних и крупных размеров. Всего из общего инвентаря выделено 61 орудие: скребки, скобель, резцы, ножи, проколки и сверло, комбинированные орудия, наконечник стрелы, обломок шлифованного орудия.

Обнаружены разные скребки: концевые, прямоугольные, на пластинах, отщепах, нуклеидных сколах, сколе со шлифованного орудия [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31, 17–29; с. 112, рис. 32, 14], (рис. 6, 6). Один обломок пластины совмещает функции скребка с резчиком [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31, 5]. Ножи, среди которых есть «ложкарь», выполнены на пластинчатых отщепах, пластинах, плитке [Гусенцова, 1993, с. 112, рис. 32, 2–5, 7–8, 11–13]. У проколки и сверла на пластинах и отщепах симметричное рабочее лезвие, выделенные плечики [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31, 2–4, 6, 12]. Нож-резец изготовлен на сечении массивной пластины, ножом служила боковая грань, резцом – край выступающего ребра на спинке (рис. 6, 5). Резцы представлены угловыми или сделанными на среднем ребре пластинчатых сколов, лезвие оформлено резцовым сколом и подретушировано (рис. 6, 4, 9) [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31, 7].

Наконечник стрелы изготовлен из пластины чёрного кремня с выделенным черешком, листовидная форма придана двусторонней краевой ретушью, основание заглажено абразивом [Гусенцова, 1993, с. 111, рис. 31, 1]. В коллекции присутствуют обломки орудий, большинство из которых откололось при попадании в огонь.

На поселении Коктыш II собрано 48 предметов из кремня, в том числе 17 орудий. Техника расщепления, в том числе оформления зоны расщепления, аналогична описанной ранее. Сырьём в основном служил серый кремень. Судя по отщепах и нуклеидным сколам, на памятник были принесены два пренуклеуса из тёмно-серого и светло-серого кремня, а для остальных орудий, скорее всего, заготовки. Сколы (высотой 7 и 5,6 см) с пренуклеуса были получены при оформлении бокового ребра нуклеуса, у одного из пренуклеусов обнаружены следы уплощения на основании. Отщепы также представляют собой в основном нуклеидные сколы и сколы оформления пренуклеуса, на спинках которых отмечены негативы от удлинённых скалываний, крупные первичные отщепы с желвачной коркой. Таким образом, технология расщепления применялась для получения пластин и пластинчатых отщепов. На одном мелком отщепе с негативами на спинке зафиксированы следы тепловой обработки: брюшко имеет маслянистый блеск, а спинка – обычную матовую преповерхность [Гиря, 1997, с. 54–55].

Орудий в коллекции на пластинах и отщепах поровну (рис. 6: 1) [Гусенцова, 1993, с. 176, рис. 97]. Основная часть пластин получена путем удара через посредник и усиленного отжима. Типы орудий практически не отличаются от их типов, обнаруженных на поселении Кыйлуд II, за исключением двух резцов на отщепах [Гусенцова, 1993, с. 176, рис. 97, 14]. Имеется проколка на острие отщепа без вторичной обработки (рис. 6, 7).

Отмеченные черты каменной индустрии фиксируются исследователями и на других памятниках раннего этапа волго-камской культуры. Для него характерны использование в качестве основного сырья для изготовления орудий серого кремня различных оттенков, отщепово-пластинчатая индустрия (на большинстве памятников фиксируется незначительное преобладание орудий на отщепах), широкое распространение краевой односторонней ретуши (двусторонняя обработка и техника шлифования применялись эпизодически). Основными орудиями были пластины с ретушью или следами использования, скребки на широких пластинах и отщепах (около половины их – концевые), однолезвийные ножи на крупных пластинах и отщепах, наконечники стрел на пластинах, угловые резцы, проколки и сверла на пластинах и отщепах с симметричным лезвием или рабочим концом [Габышев, 1976, с. 38, рис. 2; Габышев, 2003, с. 159–161, рис. 15–17; Гусенцова, 1993, с. 111–112, рис. 31–32, с. 176, рис. 97; Гусенцова, 2000, с. 309, рис. 4; Мокрушин, Лычагина, 2003, с. 35, рис. 3, 7–17; Халиков, 1969, с. 57, рис. 14, 1–14, 16, 19–21, 24, 27–29, 31, 33].

Сравнение каменного инвентаря раннеолитических памятников камской и волго-камской культуры показало их близость по многим параметрам: технике расщепления (удар через посред-

ник и усиленный отжим), номенклатуре орудий труда (пластины и сечения с ретушью, скребки, резцы, ножи, рубящие орудия), некоторым формам орудий (концевые и подокруглые скребки, угловые резцы и др.).

Различие же инвентаря заключается в следующем. При изготовлении инвентаря камской культуры используется техника контрудара, не отраженная на памятниках волго-камской культуры. В то же время при изготовлении орудий, относящихся к последней, применялись тепловая обработка и широко твердые (каменные) отбойники для получения отщепов. Различаются и некоторые основные формы орудий, в первую очередь наконечников стрел: для памятников с накольчатой керамикой характерны наконечники стрел на пластинах с частичной краевой ретушью, а для памятников с гребенчатой керамикой на отщепах с бифасиальной обработкой.

С влиянием носителей камской культуры, которая рассматривается в качестве автохтонной, мы связываем появление на памятниках волго-камской культуры изделий из плитчатого кремня, в том числе с бифасиальной обработкой. Наличие разных видов каменного сырья, зафиксированное на стоянке Кыйлуд II, может свидетельствовать о поиске оптимального материала для изготовления орудий. По всей видимости, этот поиск закончился выбором серого кремня разных оттенков в качестве основного материала. Превалирование этого сырья отличается на памятниках более позднего времени как камской, так и волго-камской культуры.

Хронология

В настоящее время, по фрагментам керамики датировано три памятника камской культуры – Зиарат, Тархан I, Усть-Шижма I [Выборнов, 2008а, с. 243, 246; Выборнов, Гусенцова и др., 2008, с. 91–92]. Судя по датировкам, ранний этап камской неолитической культуры может быть датирован в пределах второй половины VI – первой половины V тыс. до н.э. в калибровочных значениях (табл. 1).

Что касается волго-камской культуры, то было получено 15 дат для 8 памятников [Выборнов, 2008а, с. 243, 246–247; Выборнов, 2008б, с. 19–20; Выборнов, Габяшев и др., 2008, с. 44–45; Лычагина, 2011, с. 30]. Две из них получены на основе анализа угля, остальные – на основе изучения керамики. И они не противоречат друг другу. Судя по полученным датировкам, ранний этап волго-камской культуры может быть датирован в пределах середины VI – начала V тыс. до н.э. в калибровочных значениях (табл. 2). Полученные даты свидетельствуют о том, что традиции накольчатой и гребенчатой орнаментации керамики на протяжении долгого времени существовали параллельно, а их носители могли взаимодействовать друг с другом.

Итоги

Камская и волго-камская культуры на протяжении долгого времени (порядка 1 тыс. лет) существовали на территории Прикамья. Это говорит о том, что ни одна из них не могла произойти из другой. Различие в исходном пластическом сырье, формовочных массах, формах посуды и их орнаментации, способах первичной и вторичной обработки камня, некоторых формах орудий, свидетельствуют о том, что эти культуры не являются родственными.

Зафиксированное сходство в формах жилищ, составе формовочной массы части керамики, сырье, использовавшемся для изготовления орудий, наборе орудий труда может быть связано с взаимодействием и взаимовлиянием носителей двух культурных традиций. Это взаимодействие прослеживается и в более позднее время, в развитии неолите.

Список источников

- Карпова Н.П.* Отчет об исследованиях в Арбажском и Свечинском районах Кировской области, проведенных летом 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №8974. Ижевск, 1983.
- Наговицин Л.А.* Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1985 г. Устинов, 1986. // Архив ИА РАН. Р-1, №10943.
- Наговицин Л.А.* Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1987 г. Ижевск, 1988а. // Архив ИА РАН. Р-1, №12759.

Библиографический список

- Бадер О.Н.* Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып.153. С.72–74.

- Васильева И.Н., Выборнов А.А.* К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. 8. С. 25–41.
- Выборнов А.А.* Неолит Прикамья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1992. 148 с.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008а. 490 с.
- Выборнов А.А.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008б. № 4. С. 15–24.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.* Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. Вып.2. С. 36–45.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.* К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2008. С. 88–94.
- Выборнов А.А., Крижевская Л.Я.* Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // Памятники неолита и бронзы. КСИА. 1988. №193. С. 72–74.
- Габяшев Р.С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ им Г. Ибрагимова КФ АН СССР, 1976. С. 35–46.
- Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в III-V тыс. до н.э. Казань: «ФЭН» АН РТ, 2003. 222 с.
- Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2 // Археологические изыскания. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Вып. 44. 198 с.
- Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмурт. Ун-та, 1993. 230 с.
- Гусенцова Т.М.* Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // Тверской археологический сборник. 2000. Вып.4, т. 1. С. 306–310.
- Лычагина Е.Л.* О двух хронологических группах накольчатой керамики на территории Пермского Предуралья // Тверской археологический Сборник. 2009. Вып.7. С. 154–158.
- Лычагина Е.Л.* О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №1. С. 28–33.
- Лычагина, Е.Л., Поплевко Г.Н.* Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 4–10.
- Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л.* Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. С. 142–161.
- Мокрушин В.П., Лычагина Е.Л.* Новые исследования поселения Чернушка // Труды КАЭЭ. 2003. Вып. 3. С. 31–40.
- Наговицин Л.А.* Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988б. С. 67–77.
- Третьяков В.П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. 1972. №131. С.46–52.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.02.2013

A COMPARATIVE ANALYSIS OF EARLY NEOLITHIC PERM CULTURES

E.L. Lychagina, T.A. Tsygvintseva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Sibirskaia str., 24, 614990, Perm, Russia;
Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Udmurtiya, Russia
LychaginaE@mail.ru
TZigven@gmail.com

In the Kama region two types of early pottery exist which played an important role in the development and dispersal of ceramic technology among the Eastern European hunter-gatherers.

The first one is ornamented with comb stamp and belongs to the Kama Culture; the second one encompasses ceramics with pricked decoration and is associated with the Volga-Kama Culture. It is still the subject of debates which group appeared earlier. The aim of the work is to analyze information concerning those earliest pottery traditions of the region, including new dates, technological aspects and integration of recent results to the archaeological context.

Summarizing the results, the following preliminary conclusions can be drawn. The similarities between the Kama and the Volga-Kama cultures concerning the location of sites, technological aspects of some of the ceramics, and the lithic inventory might be connected with the chronological synchronicity of two cultural groups of sites. It could also be connected to the similarity of people's household activities and to the contacts and reciprocal influence. The differences in pottery making and in the ways of flint's secondary treatment might have a culturally determined character and indicate that those cultures were not kindred and did not emerge out of each other.

Technological analysis of the comb pottery suggests that its origin might not be connected with early pottery of the steppe and forest-steppe zones but must be sought for in the forest zone. The tradition of making vessels out of clay with a considerable admixture chamotte is not fixed in the steppe and forest-steppe zone but is the characteristic of the forest zone. Its centre of origin is not yet clear and more research is needed. On the other hand, the analysis of the pricked ceramics indicates a more diverse technological range and points to a connection with the forest steppes of the Middle Volga region. The pottery which is very similar to comparable shapes and ornamentation appears in large parts of the Volga region forest zone at that time (for example, Upper Volga culture, early ceramics of the Mari-El region).

Thus the appearance of ceramics in the forest zone may be explained by two factors: 1 - external influence (such as the Volga-Kama culture), 2 – internal development (for example, the Kama culture).

Key words: Early Neolithic, Kama Neolithic culture, Volga-Kama Neolithic culture, ceramic complexes, stone equipment.

References

- Bader O.N.* Khronologicheskie ramki neolita Prikam'ya i metody ikh ustanovleniya // KSIA. 1978. Vyp.153. S.72–74.
- Vasil'eva I.N., Vybornov A.A.* K razrabotke problem izucheniya neoliticheskogo goncharstva Verkhnego i Srednego Prikam'ya // Trudy KAE. 2012. Vyp. 8. S. 25–41.
- Vybornov A.A.* Neolit Prikam'ya. Samara: Izd-vo Samar. gos. ped. un-ta, 1992. 148 s.
- Vybornov A.A.* Neolit Volgo-Kam'ya. Samara: Izd-vo Samar. gos. ped. un-ta, 2008a. 490 s.
- Vybornov A.A.* Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii neoliticheskoy keramiki Volgo-Kam'ya // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2008b. № 4. S. 15–24.
- Vybornov A.A., Gabyashev R.S., Galimova M.Sh., Denisov V.P., Kovalyukh N.N., Lychagina E.L., Mel'nichuk A.F., Skripkin V.V.* Novye dannye po absolyutnoy khronologii neolita Prikam'ya // Vestnik muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya. 2008. Vyp.2. S. 36–45.
- Vybornov A.A., Gusentsova T.M., Kovalyukh N.N., Nikolaev V.V., Skripkin V.V.* K voprosu ob absolyutnoy khronologii neolita Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya // Arkheologicheskaya ekspeditsiya: noveyshie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. gos. un-ta, 2008. S. 88–94.
- Vybornov A.A., Krizhevskaya L.Ya.* Ranneneoliticheskaya stoyanka Ziarat v nizov'yakh r. Belaya // Pamyatniki neolita i bronzy. KSIA. 1988. №193. S. 72–74.
- Gabyashev R.S.* Pamyatniki neolita s nakol'chato-procherchennoy keramikoy priust'evoy chasti Kamy // Iz arkheologii Volgo-Kam'ya. Kazan': IYaLI im G. Ibragimova KF AN SSSR, 1976. S. 35–46.
- Gabyashev R.S.* Naselenie Nizhnego Prikam'ya v III-V tys. do n.e. Kazan': «FEN» AN RT, 2003. 222 s.
- Girya E.Yu.* Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy: Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda. Ch. 2 // Arkheologicheskie izyskaniya. SPb.: IIMK RAN, 1997. Vyp. 44. 198 s.
- Gusentsova T.M.* Mezolit i neolit Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. Un-ta, 1993. 230 s.
- Gusentsova T.M.* Kompleks s nakol'chato-procherchennoy keramikoy Koshkinskoy stoyanki na pravoberezh'e r. Vyatki // Tverskoy arkheologicheskoy sbornik. 2000. Vyp.4, t. 1. S. 306–310.
- Lychagina E.L.* O dvukh khronologicheskikh gruppakh nakol'chatoy keramiki na territorii Permskogo Predural'ya // Tverskoy arkheologicheskoy Sbornik. 2009. Vyp.7. S. 154–158.
- Lychagina E.L.* O khronologii i periodizatsii neolita Verkhnego i Srednego Prikam'ya // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2011. №1. S. 28–33.
- Lychagina, E.L., Poplevko G.N.* Vozможности kompleksnogo analiza kamennogo inventarya (na primere raskopa VI stoyanki Khutorskaya) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2011. № 1. S. 4–10.
- Mel'nichuk A.F., Bordinskikh G.A., Mokrushin V.P., Degtyareva M.I., Lychagina E.L.* Novye pozdnemezoliticheskie i ranneneoliticheskie pamyatniki v Verkhnem i Srednem Prikam'e // Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ya. Berezniki: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2001. S. 142–161.

Mokrushin V.P., Lychagina E.L. Novye issledovaniya poseleniya Chernushka // Trudy KAEЕ. 2003. Vyp. 3. S. 31–40.
 Nagovitsin L.A. Problemy izucheniya rannego neolita Volgo-Kam'ya // Problemy izucheniya rannego neolita lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR. Izhevsk, 1988b. S. 67–77.
 Tret'yakov V.P. Ranneneoliticheskie pamyatniki Srednego Povolzh'ya // KSIA. 1972. №131. S.46–52.
 Khalikov A.Kh. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya. M.: Nauka, 1969. 396 s.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты, полученные для памятников раннего этапа камской неолитической культуры (гребенчатая керамика) на территории Прикамья

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение	Источник заимствования
Зиарат	Ki -15087	6110±80	1σ 5210-5170 BC 2σ 5280-4800 BC	Выборнов, 2008а, с. 243
Зиарат	Ki -15061	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	Выборнов, 2008а, с. 243
Усть-Шижма I	Ki -14435	6020±90	1σ 4810-4590 BC 2σ 4940-4490 BC	Выборнов, 2008а, с. 246
Тархан I	Ki -14433	6280±90	1 σ 5360-5200BC 2 σ 5470-4990BC	Выборнов, 2008а, с. 246

Привмечение: Ki – радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев)

Таблица 2

Радиоуглеродные даты, полученные для памятников раннего этапа волгокамской культуры (накольчатая керамика) на территории Прикамья

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная лаборатория, л.н.	Калиброванное значение	Источник заимствования
Чашкинское Озеро VI	ГИН - 13276	6230±160	1σ 5370-4990 2σ 5500-4750	Лычагина, 2011, с.30
Чашкинское Озеро VIII	Ki - 15095	6310±90	1σ 5380-5200 2σ 5480-5050	Выборнов, 2008а, с. 247
Чашкинское Озеро VIII	Ki - 14537	5770±90	1σ 4720-4500 2σ 4810-4440	Выборнов, 2008а, с. 247
Кыйлуд II	Ki - 14434	6410±80	1σ 5480-5310 2σ 5530-5210	Выборнов, 2008а, с. 246
Кошкинская	Ki - 14576	6260±90	1σ 5320-5200 2σ 5500-4950	Выборнов, 2008а, с. 246
Кошкинская	Ki - 14577	6110±90	1σ 5100-4900 2σ 5300-4800	Выборнов, 2008а, с. 246

Окончание табл. 2

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная лаборатория, л.н.	Калиброванное значение	Источник заимствования
Кошкинская	Ki - 14913	6480±90	1σ 5520-5320 2σ 5620-5290	Выборнов, 2008а, с. 246
Кошкинская	Le - 5549	6160±100	1σ 5270-4960 2σ 5270-4840	Гусенцова, 2000, с.308
Усть-Шижма I	Ki - 14436	6130±100	1σ 5150-4920 2σ 5310-4800	Выборнов, 2008а, с. 246
Щербеть II	Ki - 14530	6090±90	1σ 5080-4900 2σ 5260-4780	Выборнов, 2008а, с. 243
Щербеть II	Ki - 14098	6530±90	1σ 5560-5460 2σ 5630-5320	Выборнов, 2008а, с. 243
Щербеть II	Ki - 14134	6620±90	1σ 5620-5480 2σ 5720-5460	Выборнов, 2008а, с. 243
Щербеть II	Ki - 14531	6270±90	1σ 5340-5200 2σ 5500-4950	Выборнов, 2008а, с. 243
Тетюшская IV	Ki - 14452	6170±90	1σ 5260-4990 2σ 5320-4900	Выборнов, 2008а, с. 243
Заборное Озеро I	Ki - 16859	5970±80	1σ 4950-4770 2σ 5100-4600	Выборнов, 2008а, с. 246

Прмечание: Ki – радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев); ГИН – лаборатория геохимии изотопов и геохронологии геологического института РАН (Москва); Le – лаборатория археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург)

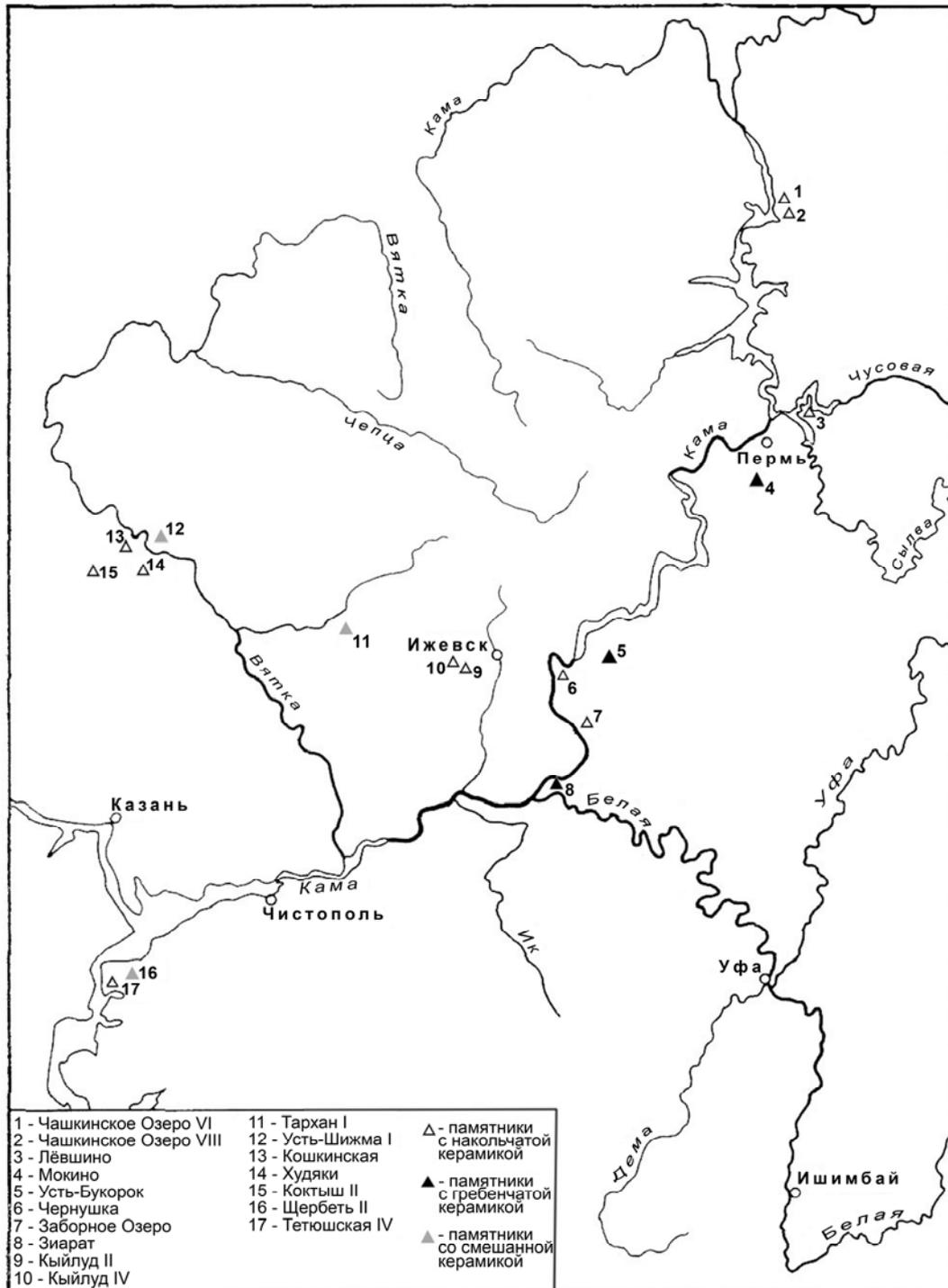

Рис. 1. Карта основных ранненеолитических памятников на территории Прикамья

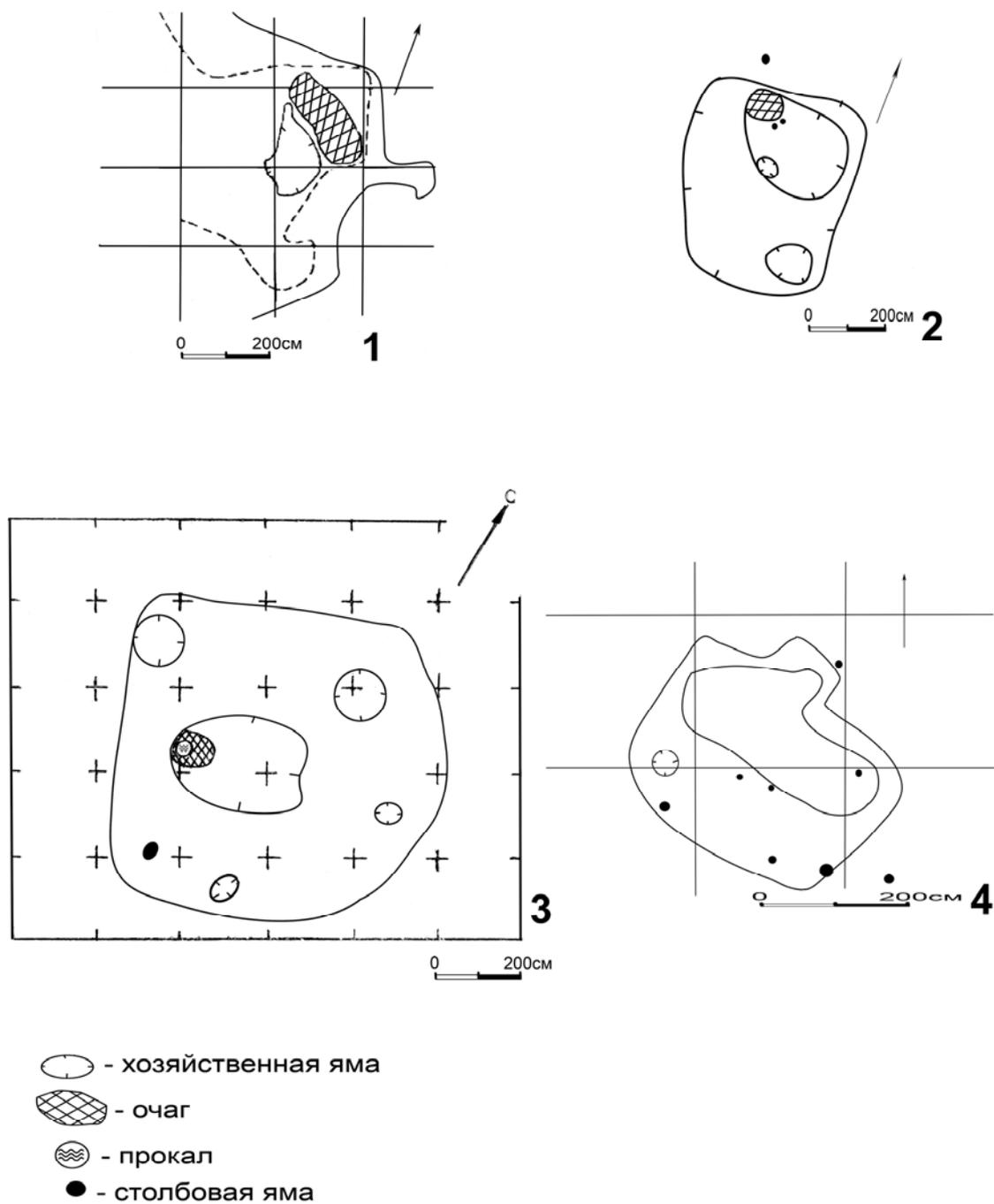

Рис. 2. Планы раннеолитических жилищ: 1 – Усть-Букорок (по А.Ф. Мельничуку и др., 2001, с. 144, рис.1, 2); 2 – Тархан I (по Т.М. Гусенцовой, 1993, с. 228, рис. 104, 3); 3 – Кыйлуд II (по Т.М. Гусенцовой, 1993, с. 109, рис. 29); 4 – Коктыш II (по Н.П. Карповой

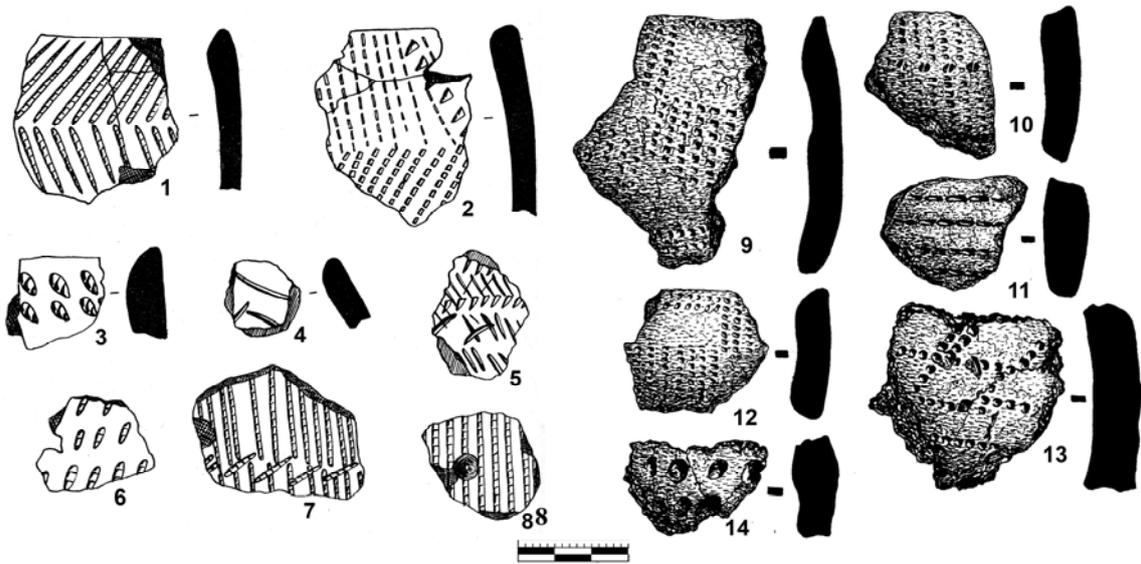

Рис. 3. Ранненеолитическая керамика камской культуры (1–8 – Зиарат; 9–14 – Мокино) (по А.А. Выборнову, 1992, с.98, рис. 13; А.Ф. Мельничуку и др., 2001, с. 160, рис. 14)

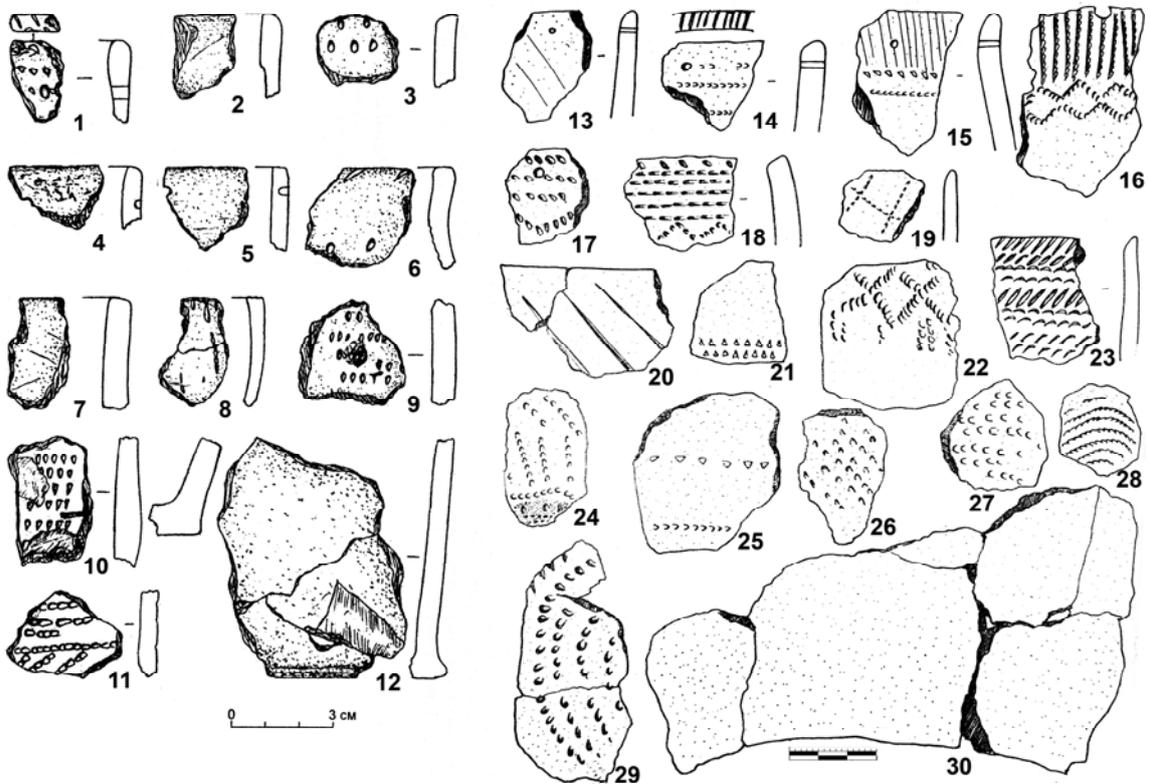

Рис. 4. Ранненеолитическая керамика Волго-Камской культуры (1–12 – Кошкино; 13–30 – Кыйлуд II) (по Т.М. Гусенцовой, 2000, с. 309, рис. 3; 1993, с. 110, рис. 30)

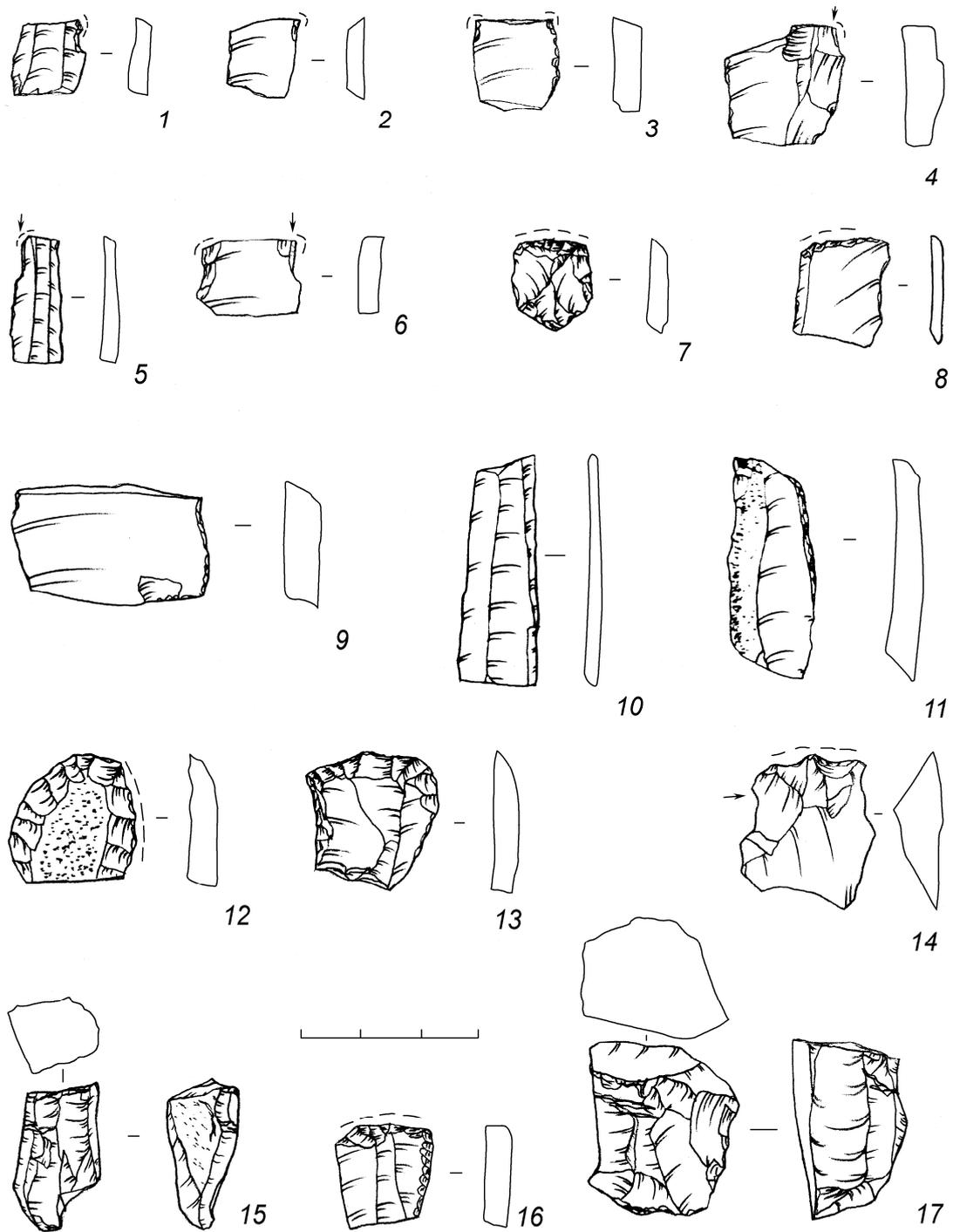

Рис. 5. Кремневый инвентарь поселения Тархан I

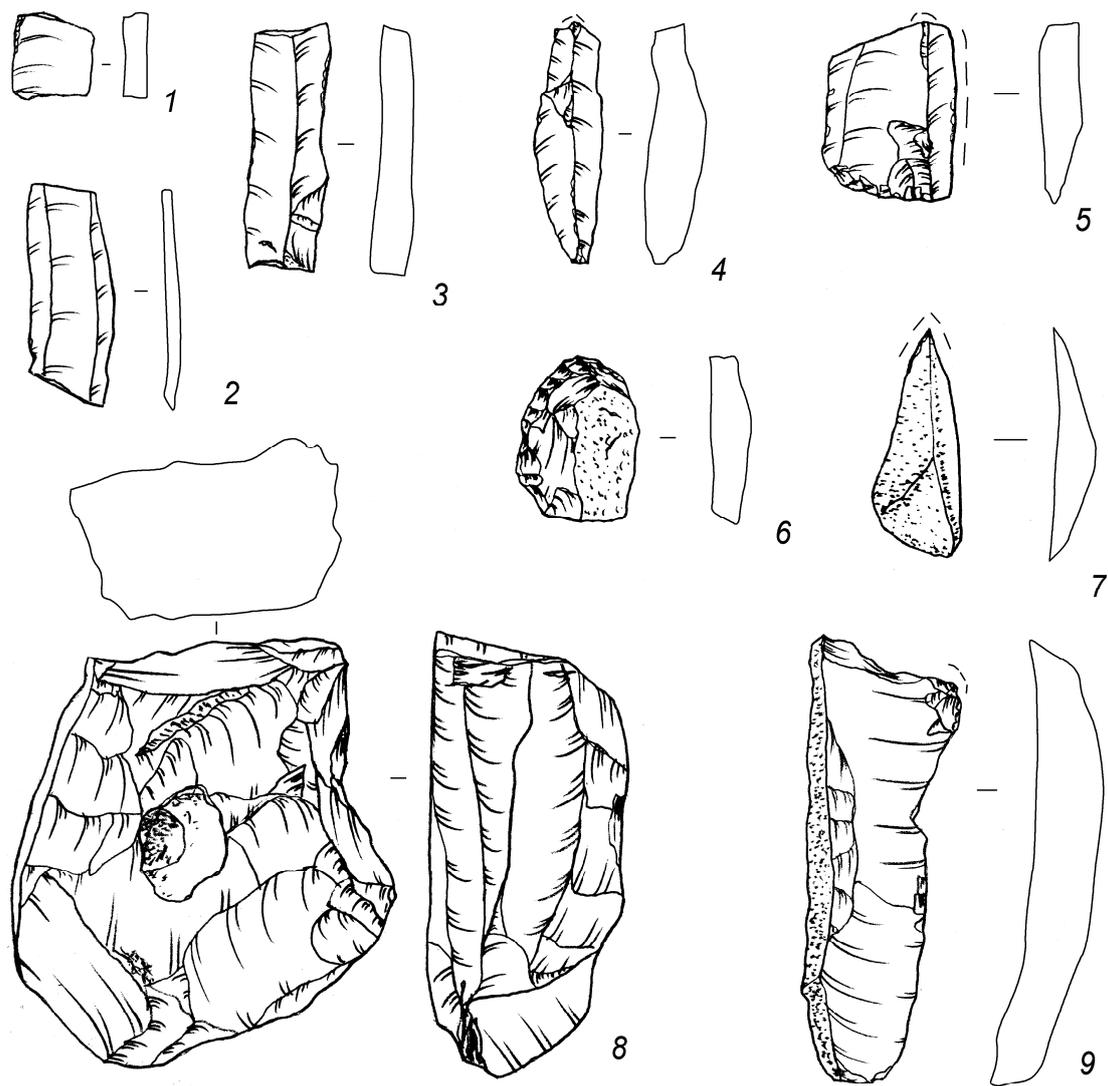

Рис. 6. Кремневый инвентарь раннеолитических памятников волго-камской культуры (2–6,8–9 – Кыйлуд II; 1,7 – Коктыш II)